

Наконец найдя выход для своей внутренней суеты, Тан Линъи погладила аккуратно подстриженные ветви, затем подняла розовый цветок и холодно посмотрела на место, где стояла Хунмэй, отдав приказ:

— Неважно, как, но разбуди ее и приведи сюда. Если она не придет, скажи ей, что завтра она не увидит этот цветок.

Щелк.

Звук был хрустящим, как будто кто-то ломал шею. Хунмэй, сонная, вздрогнула от страха, инстинктивно потрогала свою шею, чувствуя, что обнаженная часть стала холодной.

Она быстро посмотрела на свою госпожу, та все еще трогала лепестки цветка, слова были спокойны, но ветви рядом с цветком остались лишь наполовину.

Хунмэй не осмелилась больше говорить, согласилась и снова отправилась искать знахаря.

— А-Лин, ты такая сильная, сразу же напугала Хунмэй.

Чжэн Цзюньсинь начала хвалить ее, подошла ближе, чтобы вместе полюбоваться цветком, затем спросила:

— Ты сама этому научилась?

Сменив тему, Тан Линъи успокоилась и ответила:

— Это пустяки, просто некоторые приемы. И я позвала ее, чтобы лечить тебя, разве может пациент быть готов, а врач сбежать? Это слишком непрофессионально.

— А врачи не могут сбежать?

Чжэн Цзюньсинь спросила очень серьезно, казалось, ей было интересно.

Она подумала и сказала:

— Врач — это человек, который спасает жизни, он несет надежду на жизнь для многих, и побег — это то, что большинство врачей считают позором. Те, кто так поступает, обычно не хорошие врачи. Конечно, все зависит от ситуации.

Чжэн Цзюньсинь поняла не до конца, не знала, будут ли врачи убегать, если столкнутся с трудностями, но она понимала, что звание врача обязывает их стоять перед пациентами, преодолевая препятствия.

Она взяла мокрый лист и начала дразнить ее, брызгая водой, маленькие капли попадали ей на лицо. Под синей марлевой повязкой в уголках рта была легкая улыбка.

Тан Линъи быстро протянула руку, схватила ее за руку, не давая ей шалить, и мягко сказала:

— Туаньтуань, хватит.

После этого разговор продолжить не удалось. Чжэн Цзюньсинь засмеялась, звук был похож на криканье утки, она была рада, что ее затея удалась.

— Ха-ха-ха, А-Лин, не волнуйся, я не стану такой.

Тан Линъи уловила ключевое в ее словах и спросила:

— Стать врачом? Ты хочешь изучать медицину?

— Я...

Чжэн Цзюньсинь немного запаниковала, случайно выболтав это, ведь с умом А-Лин она сразу догадается.

Хотела сделать сюрприз, а теперь все испортила.

Чжэн Цзюньсинь сжала край одежды.

Она еще думала, как ответить, когда громкий, недовольный голос нарушил тишину ночи, привлекая их внимание.

— Неужели ночью нельзя спать? Давайте завтра поговорим.

Му Ту, потирая глаза, полуспящая, подошла и села, сглотив несколько кусочков закусок, чтобы разогнать сонливость.

Прерванная голосом Му Ту, внимание переключилось на нее, и Тан Линъи забыла продолжить задавать вопросы.

Раз уж пришла, хочешь не хочешь, но нужно выполнять обязанности. Му Ту успокоилась и начала осматривать ее: проверила пульс, подняла веки, надавила на шею, послушала сердце. После всех этих манипуляций и Тан Линъи, и Му Ту вспотели.

Она попросила у Хунмэй веер и отпустила ее спать.

Му Ту, недовольная, сразу же схватила веер и начала обмахиваться. Кто виноват, что она так напряженно сидела, пока она осматривала? Это заставило ее тоже нервничать!

Эй, почему ощущение, что сзади холодно? Му Ту почесала затылок, не вдаваясь в подробности.

После того как она задала Чжэн Цзюньсинь несколько вопросов, Му Ту тоже удивилась. Эта девушка действительно вернулась в нормальное состояние, но оно было очень нестабильным, и в любой момент она могла снова впасть в безумие.

Обсудив это с Тан Линъи, Му Ту кивнула. Затем она добавила:

— Похоже, наши предыдущие догадки были верны, у Чжэн Цзюньсинь есть шанс полностью восстановиться. Я выписала рецепт, принимай его три раза в день после еды, это доза на месяц.

Тан Линъи взяла рецепт, написанный Му Ту, и положила его в карман, планируя завтра отправить Хунмэй в город за лекарствами.

Закончив дела, Му Ту, уставшая, тоже ушла. Вокруг было темно, только в этом маленьком уголке царил уютный свет.

Вода в ведре все еще была горячей, Хунмэй уже налила воду из котла и накрыла его, Тан Линъи помылась горячей водой и вымыла волосы.

С полумокрыми волосами Тан Линъи забралась в кровать, прислонившись к подушке, затем Чжэн Цзюньсинь тоже забралась.

Опущенные руки были схвачены и сложены вместе, плечо ощутило тяжесть. Чжэн Цзюньсинь обняла ее, как это делают близкие подруги, но настроение было совершенно иным.

Дыхание в ушах было неровным, ресницы Тан Линъи дрожали, сложенные руки вспотели, было жарко, хотелось отпустить, но она не двигалась.

Подумав некоторое время, она наконец нашла тему для разговора.

— Туаньтуань, почему твоя сестра ушла, у нее есть дела?

Чжэн Цзюньсинь наклонила голову и подумала:

— В детстве я слышала, как сестра говорила, что ее продали в Павильон Шичунь, теперь она, наверное, решает этот вопрос. Надеюсь, сестра добьется своего и скоро вернется.

— Если ее с детства продали в публичный дом, почему она знает так много правильных принципов? Обычно в детстве представления о мире хаотичны, это время формирования взглядов, а находясь в такой среде, она смогла сохранить такие редкие правильные взгляды, это действительно удивительно, — Тан Линъи была удивлена.

Левое плечо внезапно опустело, Чжэн Цзюньсинь села прямо, опершись на подушку, и покачала головой. Осознав, что та не видит, снова заговорила:

— Я не знаю, сестра всегда была такой, четко различала добро и зло, знала много принципов.

Возможно, тема была слишком серьезной и скучной, Чжэн Цзюньсинь, отвечая, зевнула, сила в руках ослабла.

Тан Линъи заметила это, сжала ее руку, взяла инициативу в свои руки, слегка потянула и с жалостью сказала:

— Уже поздно, давай спать.

Девушка, услышав эти слова, начала клевать носом, усталость была явной. Веки отчаянно сражались, но она все же держалась, приложив усилия, чтобы ответить.

— Нет, я не хочу спать. Я хочу поговорить с тобой, пока волосы не высохнут.

— Спи, завтра я все еще буду здесь, никуда не денусь, — Тан Линъи убаюкивала ее, уговаривая спать.

— Нельзя... А, завтра ты, может быть, еще будешь здесь, но я могу снова впасть в бессознательное состояние, я хочу быть с А-Лин подольше.

Тан Линъи подумала, что она права, и больше не останавливала ее. Тогда она спросила:

— Когда полностью поправишься, есть ли что-то, что ты хочешь сделать?

Конечно, многое. Читать, писать, изучать медицину, и самое главное — быть рядом с ней, хорошо заботиться о ней.

Тан Линъи почувствовала, как взгляд Чжэн Цзюньсинь повернулся к ней, опустила глаза. Чжэн Цзюньсинь протянула левую руку, медленно провела по чистым векам, взгляд был полон ярости:

— Да, все, что А-Лин захочет, я выполню. И тот, кто лишил тебя зрения, я верну ему это по кусочкам! Пусть знает, что нашу А-Лин нельзя обижать.

Ее слова, возможно, были мрачными и пугающими, но в сердце Тан Линъи поднялась волна тепла, невидимая стрела точно попала в грудь, заставляя голову гореть.

Но она все же сказала:

— Туаньгуань, не все должно быть связано со мной, ты думала о своем будущем? Кем хочешь стать, какие у тебя цели, куда хочешь отправиться?

После этих слов человек рядом зашевелился, рука разжалась. Тан Линъи подумала, что она идет в туалет, и замолчала.

В большой комнате было тихо и спокойно, только движения рядом были отчетливо слышны, она услышала, как она снимает одеяло, потрогала свои волосы.

Спросила:

— Туаньгуань, ты...

Рука хлопнула рядом с ухом, звон серебряного колокольчика зазвенел перед ней.

В туалет?

Тан Линъи молча сдержала слова.

<http://bllate.org/book/16867/1554315>